

Процукович Елена Александровна, Иванашко Юлия Петровна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

amursea@mail.ru, polia-80@mail.ru

Частотность лексических единиц в общественно-политической коммуникации

Аннотация

В статье представлены особенности распределения по шести тематическим группам лексем и их словоформ, реализованных в общественно-политической коммуникации. Материалом для исследования послужили образцы спонтанной речи (интервью) в произнесении трёх женщин – носителей русского языка, – взятые с сайтов российских радиостанций. Семантический и контекстуальный анализ, а также статистическая обработка данных выявили, что на долю общественно-политической терминологии пришлось 44% лексических единиц, что в два и более раз превзошло другие категории. Иноязычная лексика, которая в настоящее время считается неотъемлемой частью речи политиков и общественных деятелей, оказалась второй по частотности, составив в среднем 25%. Тематика общественно-политической коммуникации предполагает обращение к вопросам внутренней и глобальной экономики, частью которой являются страны, города, компании и люди, их представляющие. Поэтому речь дикторов изобиловала именами собственными, доля которых составила 16%. Образность общественно-политической речи является средством достижения прагматических целей, в связи с чем использовались фразеологизмы, которые оказались четвертыми по частотности (6,4%). Желая «стать ближе» к аудитории и придать эмоциональности высказываниям, дикторы прибегали к использованию сниженной лексики, но лишь в 4,3%. Такой же процент частотности имели сложносокращённые слова, обозначающие преимущественно названия общественных организаций и компаний.

Ключевые слова: общественно-политическая коммуникация, частотность, лексема, словоформа, общественно-политическая терминология, иноязычная лексика, имена собственные, фразеологизмы, сниженная лексика, сложносокращённые слова

© Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. 2023

Для цитирования: Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. Частотность лексических единиц в общественно-политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 87–98. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_87

Elena A. Protsukovich, Yulia P. Ivanashko

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

amursea@mail.ru, polia-80@mail.ru

Lexemes frequency in socio-political communication

Abstract

This paper aims to analyze the distribution of lexemes and their forms into six groups used in socio-political communication. Spontaneous interview samples produced by three Russian females were taken from Russian radio sites and used as the material for this study. Semantic, contextual and statistic analysis enabled to discover that socio-political terminology accounts for 44%, overpassing other categories twice and more. Loan words as an integral part of modern political and public speech were ranked second accounting for 25% of the selection. Socio-political communication observes the issues of the domestic and global economy referring to countries,

cities, companies and their representatives. It results in a number of proper names ranked 3 with 16% of the selection. The figurativeness of socio-political speech is a means of achieving the speakers' pragmatic goals, therefore the idioms were the fourth frequent group in the material (6.4%). Trying to achieve to the audience and make the speech emotional, the speakers sometimes use substandard vocabulary (4.3%). Compound words denoting public organizations and companies have the same frequency rank (4.3%).

Keywords: socio-political communication, frequency, lexeme, word form, socio-political terminology, foreign vocabulary, proper names, phraseological units, substandard vocabulary, compound words

© Protsukovich E. A., Ivanashko Yu. P. 2023

For citation: Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P. (2023). Chastotnost' leksicheskikh yedinit v obshchestvenno-politicheskoy kommunikatsii [Lexemes frequency in socio-political communication]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 87–98. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_87

1. Введение [Introduction]

Речевая коммуникация является отражением и результатом процессов, происходящих в обществе в тот или иной исторический период. В связи с этим она становится источником постоянно изменяющихся и обновляющихся языковых данных, содержащих информацию, вызывающую исследовательский интерес не только у лингвистов, но и у представителей других отраслей научных знаний – психологии, социологии, политологии и смежных с ними дисциплин.

В современном мире в связи с происходящими экономическими и политическими процессами и реакцией на них в обществе актуальным становится изучение речи общественно-политической направленности, так как она накапливает и обновляет данные об арсенале языковых средств данного вида коммуникации [Михалёва, 2008, с. 33]. Кроме того, быстрые изменения в жизни общества оказывают воздействие на внутренние закономерности жанров и стилей общественной и политической речи.

Поскольку любой вид речевой коммуникации являет собой сложный комплекс языковых средств, представляется оправданным изучать её отдельные уровни автономно. Так, проводятся исследования фонетического строя, лексического состава, синтаксической структуры речевых произведений общественно-политической направленности [Борискина, Шилихина, 2017; Зелянская, 2013; Кучменова, 2022; Малафеев, Макарова, 2020; Михалёва, 2009; Николаев, 2021; Чудинов, 2012; Шимула, 2018]. Наиболее заметны изменения в лексике и фразеологии – каждый новый поворот в общественной, экономической или политической жизни того или иного государства приводит к языковым трансформациям, в результате чего формируется определённый тезаурус [Чудинов, 2012, с. 24]. Потребность в непрерывном фиксировании изменений лексического состава общественно-политической речи составляет актуальность предпринятого исследования. Настоящая статья представляет собой второй этап работы, посвящённой изучению общественно-политической лексики русского языка [Процукович, Иванашко, 2021] и имеет целью проведение анализа частотности лексических единиц.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1 Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования частотных характеристик общественно-политической лексики послужили образцы женской спонтанной речи в произнесении носителей русского языка. Аудиозаписи были получены с сайтов российских радиостанций и представляли собой интервью, в которых освещались общественные и политические вопросы.

Подбор исследования осуществлялся с учётом ряда требований: место рождения и проживания – Российская Федерация, уровень образования – высшее, опыт публичных выступлений – многолетний, владение русским языком – свободное, отсутствие дефектов слуха и речи. В соответствии с указанными критериями отбора, дикторами настоящего исследования стали следующие информанты: D1 (место рождения – г. Москва; высшее образование, доктор географических наук, профессор; опыт публичных выступлений – многолетний; возраст на момент записи материала – 65 лет); D2 (место рождения – г. Москва; высшее образование, кандидат филологических наук; опыт публичных выступлений – многолетний; возраст на момент записи материала – 53 года); D3 (место рождения – г. Тула; высшее образование, кандидат политических наук, доцент; опыт публичных выступлений – многолетний; возраст на момент записи материала – 41 год). Исследование включало в себя несколько этапов.

1. Составление орфографических версий полученного материала – аудиозаписей диалогической речи, представляющей собой обмен высказываниями между собеседниками на общественно-политические темы. Орфографические записи составлены без внесения в них корректировок и сокращений с целью сохранения в них индивидуальных речевых характеристик дикторов. Общая длительность аудиоматериала составляет 135 мин. 11 сек. (D1 – 36 мин. 08 сек., D2 – 48 мин. 48 сек., D3 – 50 мин. 55 сек.).

2. Отбор лексических единиц, представляющих в анализируемых текстах общественно-политическую сферу. Задачей данного этапа явилось составление таблиц, классифицирующих лексемы и их словоформы по группам, определённым в ходе работы с научной лингвистической литературой [Зелянская, 2013, с. 95; Николаев, 2021, с. 32–33; Чудинов, 2012; Шимула, 2018, с. 101]

3. Анализ частотности общественно-политической лексики в речи каждого диктора и вычисление коэффициента ранговой корреляции.

Анализируемая общественно-политическая лексика была классифицирована в соответствии с её спецификой. В основе классификации лежит разработка А. П. Чудинова, выделяющего сниженную лексику (просторечия, жаргонизмы, вульгаризмы, сленг), иноязычную лексику, а также сложнокращённые слова [Чудинов, 2006, 2012; Стернин, 2013, с. 15]. В результате анализа исследуемого материала вышеперечисленные группы лексики были дополнены собственно политическими терминами и фразеологией.

В данном исследовании фразеология понимается в широком смысле, то есть к ней относятся словосочетания или предложения, устойчиво воспроизводящиеся в речи и обладающие той или иной степенью идиоматичности значений [Баранов, 2004; Баранов, 2011, с. 56]. Так, в группу фразеологизмов входят идиоматические обороты (фразеологические сращения), коллокации (глагольные и именные), пословицы, афоризмы, поговорки, меткие, часто повторяемые устойчивые в смысле порядка слов выражения, обороты [Баско, 2006]. В общественном и политическом языке присутствуют устойчивые словосочетания, воспроизводимые в речи с высокой частотностью [Чернявская, 2006, с. 9].

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1 Усреднённое распределение общественно-политической лексики по типам (D1-D3) [Socio-political vocabulary types distribution in D1-D3]

Всего в ходе анализа частотности общественно-политической лексики в рамках данной работы были рассмотрены аудиозаписи, содержащие 825 лексем – слов как структурных элементов языка [Ахманова, 2007, с. 214] – и 2632 словоформ, ими образованных. В таблице 1 представлены сводные данные, полученные в результате количественного подсчёта реализаций лексических единиц по трём дикторам. Проценты подсчитывались от общего количества всех реализованных ими словоформ.

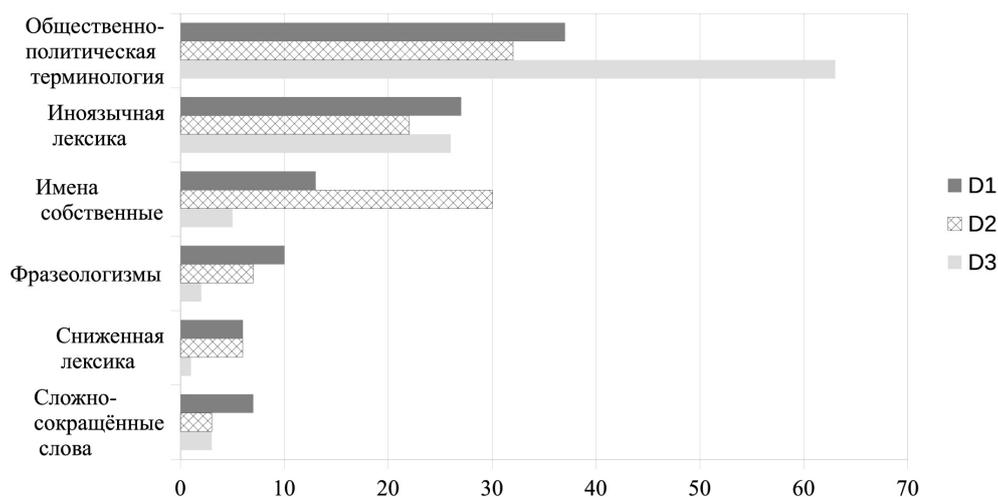
Т а б л и ц а 1. **Количество лексем и словоформ**
 [T a b l e 1. **The number of lexemes and word forms in analyzed speech**]

		D1	D2	D3	Общее	Ранг частотности
Общественно-политическая терминология	Общее количество лексем, ед.	38	80	211	329	1
	Общее количество словоформ	200	253	806	1259	
	% реализации	37	32	63	44	
Иноязычная лексика	Общее количество лексем, ед.	34	51	85	170	2
	Общее количество словоформ	149	179	336	663	
	% реализации	27	22	26	25	
Имена собственные	Общее количество лексем, ед.	20	70	22	98	3
	Общее количество словоформ	73	240	61	338	
	% реализации	13	30	5	16	
Фразеологизмы	Общее количество лексем, ед.	56	47	23	126	4
	Общее количество словоформ	56	56	24	136	
	% реализации	10	7	2	6,4	
Сниженная лексика	Общее количество лексем, ед.	23	28	10	76	5
	Общее количество словоформ	31	52	15	134	
	% реализации	6	6	1	4,3	
Сложносокращённые слова	Общее количество лексем, ед.	12	7	14	33	5
	Общее количество словоформ	39	27	35	101	
	% реализации	7	3	3	4,3	
Итого	Общее количество лексем, ед.	184	283	365	832	
	Общее количество словоформ	548	807	1277	2632	

Анализ таблицы 1 свидетельствует о том, что наибольшее количество лексем и их словоформ реализовано в речи D3 – 365 и 1277 единиц соответственно – каждая словоформа реализована в среднем 3,5 раза. Наименьшее число словоформ и их конкретных употреблений – 184 и 548 соответственно – зафиксировано в речи D1, что связано с наименьшей длительностью звучания интервью данного диктора; средняя частота встречаемости каждой лексемы в аудиоматериалах данного диктора составляет 2,98. В речи D2 реализовано 283 лексемы и 807 словоупотреблений; каждая словоформа встречается со средней частотой 2,85 единицы – это наименьший результат по сравнению с D1 и D3. Рассмотрим частотные характеристики общественно-политической лексики в речи дикторов. Рисунок 1 демонстрирует частотные характеристики общественно-политической лексики в речи D1–D3.

2.2.2 Распределение лексики по типам в речи D1 [Lexical group distribution in D1]

Анализируемый аудиоматериал D1 содержит 184 лексемы и 548 их конкретных словоформ. Каждая лексема реализована в среднем три раза.

Р и с у н о к 1. Частотность общественно-политической лексики (D1–D3)
[Figure 1. Socio-political vocabulary frequency (D1–D3)]

Данные диаграммы свидетельствуют о том, что наиболее частотным видом общественно-политической лексики в речи D1 является общественно-политическая терминология, реализация которой достигает 37%. Частотными лексемами являются термины *деньги, налог, промышленность, страна, население, акционерное общество, федеральный бюджет* и другие, например:

(1) D1: Понимаете, эта **страна**, наша родина, это **страна** не про развитие, а про отчётность. Отчитался – ты человек. Не отчитался? – парень, твои проблемы.

Второй ранг частотности в речи D1 имеет иноязычная лексика (в основном уже укоренившаяся в языке и не ощущающаяся как инородная) – она реализована в материале диктора в 27% случаев, это максимальное значение по трём дикторам. Частотными единицами являются слова: *бюджет, федерация, демография, доллар, кредит, эффект, экономика* и другие:

(2) D1: Основные **социальные** расходы тащат на себе **субъекты федерации**, а вовсе не **федеральный бюджет**.

(3) D1: Умные китайцы вкладываются в **инфраструктуру**, дают **кредиты** – у них много не только африканских, но и азиатских стран в кабале. Потому что эти **кредиты** очень трудно оплатить.

Третью по частотности позицию занимает реализация имён собственных – 13% от общего количества лексических единиц. В ходе интервью диктор использовал лексемы: *Китай, Малайзия, Венесуэла, Африка, Москва, Путин, Кудрин* и другие:

(4) D1: Стоп. Это оборонные вещи. Когда вы продаёте **Малайзии, Китаю, Индии**, – они платят.

Частотность 10% демонстрирует реализация фразеологизмов – это самый высокий результат по сравнению с D2 и D3 – в речи D1 прозвучало 56 устойчивых сочетаний типа: *ловить блох, раздавать пряники (=преференции), получить пишик, вылететь в трубу, наступать на грабли, закрыть лавочку, в огороде бузина, а в Киеве дядька, манна небесная, нервы как канаты* и других.

(5) D1: Слушайте, Советский Союз на этом играл долго и **вылетел в трубу**.

(6) D1: Но понимаете, **дьявол** в этой стране **всегда кроется в деталях**.

С частотой 7% диктором реализованы сложносокращённые слова, при этом их количество у D1 вдвое превышает данное значение у D2 и D3: *Росстат, зарплата, социалитика, Гособоронзаказ, зарплата* и другие примеры:

(7) D1: *За счёт чего? А мы заставили выполнять президентские указы по зарплате, а с этих зарплат платится НДФЛ, — он же тоже вырос.*

Последнюю строчку ранга частотности в речи диктора D1 с результатом 6% занимает реализация сниженной лексики: *денежка, понты, тупой, баксы, крупняк, рихтовать, препарировать* и другие:

(8) D1: *Понимаете, понты это не способ ведения бизнеса.*

(9) D1: *Вместо того, чтобы посмотреть всю разблюдовку и сказать про совсем другую историю, — что 15% домашних хозяйств — им не хватает на еду или на еду как-то, а на одежду и обувь уже не хватает, — их 15.*

В целом, речь D1 соответствует требованиям, предъявляемым к общественно-политической коммуникации, о чём свидетельствует общее количество в ней общественно-политической терминологии, иноязычной лексики, обозначающей политические и экономические понятия. Однако необходимо отметить высокую эмоциональную насыщенность речи данного диктора — несмотря на относительно небольшое количество единиц сниженной лексики, благодаря большому числу фразеологических единиц, реализованных диктором D1, его речь отличается высокой степенью эмоциональности и образности.

2.2.3 Распределение лексики по типам в речи D2 [Lexical group distribution in D2]

В исследуемом аудиоматериале D2 реализовано 283 лексемы и 807 словоформ. Как видно из диаграммы (см. рис. 1), максимальное количество реализаций общественно-политической лексики в речи D2 приходится на долю общественно-политической лексики — 32%. Среди частотных терминов можно отметить следующие: *власть, правительство, промышленность, безопасность, собственность, деньги, техника безопасности* и другие:

(10) D2: *Если вы, скажем, вкладываете эти деньги, как я уже сказала, как вкладывает множество суверенных фондов в даже вполне себе авторитарных странах, в какие-то вещи, которые приносят прибыль.*

(11) D2: *У Китая есть совершенно объективная потребность в Африке, потому что в Китае есть, действительно, гигантская промышленность и недостаток природных ресурсов. А промышленность эти ресурсы потребляет.*

Вторую позицию ранга частотности в речи D2 занимают имена собственные — 30%, составляя самую многочисленную группу в этой категории среди всех дикторов. В аудиоматериале реализованы такие имена и названия как *Ельцин, Сталин, Эрдоган, Африка, Индонезия, Советский Союз, США, Норвегия* и другие:

(12) D2: *Эта история в США просто невозможна. Она невозможна, наверное, даже уже в Индонезии. Она где-нибудь в Папуа — Новой Гвинее только возможна.*

К третьему рангу частотности в речи D2 относится иноязычная лексика (в основном укоренившаяся в языке), её значение составляет 22% — это минимальный показатель среди дикторов. В речи диктора зафиксированы следующие лексические единицы: *активист, геноцид, колонизатор, цивилизация, ресурсы, регион, цивилизация* и другие:

(13) D2: *Я просто про то, что, чтобы быть колонизаторами, надо иметь более высокую цивилизацию, в том числе, более высокие идеалы и иметь нормальные нормы. А если у нас у самих людоедские нормы, а если у нас у самих нет оппозиции, — парламент не место для дискуссий, а активист Навального¹, придя домой, обнаруживает, что у него на банковской карточке долг в 100 миллиардов рублей? Ну, видимо, это он будет выплачивать наши долги Африке.*

На четвёртой позиции со значением 7% в речи D2 зафиксированы фразеологические обороты: *аттракцион невиданной щедрости, со свиным рылом в калачный ряд,*

¹Навальный А. А. внесён в «Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму».

борьба двух бульдогов под ковром, дырка от бублика, уйти в песок, шарашкина контора, управлять в ручном режиме и другие:

(14) D2: *Ребята, эти люди кидали Советский Союз. Ну, где путинская Россия со свиным рылом в калачный ряд сравняться с Советским Союзом, который действительно обладал могучими рычагами воздействия?*

(15) D2: *Так что вот просто случается, что неопытный водитель врезался в столб на «Жигулях» и сломался вместе с пассажирами всмятку. Так кто виноват? А то, что водителя не натренировали, или то, что «Жигули» были консервной банкой.*

На сниженную лексику в речи D2 приходится 6% реализаций: *дурак, каюк, распил, чушь, шашни, бабло, левак, уставняк и другие:*

(16) D2: *И опять же два варианта: либо Асада свергнут какие-нибудь иранцы, потому что у них там есть шашни с частью асадовской армии, и мы опять увидим дырку от бублика – иранскую дырку. Либо опять же, если Асад окрепнет, то он нами будет вертеть и этих денег, естественно, не отдаст.*

Последнюю строку ранга частотности общественно-политической лексики в речи D2 занимают сложносокращённые слова – их реализация составляет не более 3%. В речи данного диктора сложносокращённые лексические единицы представлены преимущественно названиями различных служб и учреждений: *Госказна, Газпром, Росгвардия, Ростехнадзор, Сибзолото* и другими:

(17) D2: *Сначала мы видим эти Ростехнадзоры и пожарные инспекции, которые дерут деньги, придумывают невыполнимые правила. Несмотря на все эти безумные правила, все падает, горит и тонет.*

Отличительной особенностью речи D2 является самый высокий процент реализации имён собственных, что обусловлено тематикой интервью. Как и в случае с D1, данный спикер пользуется относительно большим количеством сниженной лексики и фразеологии, что позволяет создавать яркие, образные тексты, способные вызывать определённые реакции со стороны слушателей [Красникова, 2000].

2.2.4 Распределение лексики по типам в речи D3 [Lexical group distribution in D3]

В ходе интервью диктором было реализовано 365 лексем и 1277 конкретных словоформ. На первой строке ранга частотности общественно-политической лексики в произнесении D3 (см. рис. 1) находится общественно-политическая терминология – реализация данного вида лексики составляет 63% от общего количества словоформ в его речи. Более того, этот показатель вдвое превышает значения аналогичного параметра в речи D1 и D2 и составляет максимум среди всех лексических категорий у трёх дикторов. Примерами общественно-политической терминологии в речи D3 являются слова: *свобода, власть, законопроект, право, граждане, государство, обеспечение, указ* и другие:

(18) D3: *Перечислим основные политические свободы, это, скажем: равенство перед законом, отсутствие сословий, то есть закон един для всех. Свобода вероисповедания, возможность исповедовать свою веру или не исповедовать никакой, отсутствие принуждения в том отношении. Свобода совести: право иметь и высказывать свои убеждения.*

Лексическую группу второго ранга в речи D3 представляют уже давно ставшие привычными иноязычные слова – реализация заимствованных единиц из области политики, экономики, финансов, права составляет 26%: *тактика, система, пенитенциарный, орган, бюджет, проект* и многие другие:

(19) D3: *И будем выбирать наиболее разумные тактики поведения в любой ситуации.*

Третью позицию с большим отрывом от первых двух групп лексики занимают имена собственные (не более 5%): *Россия, Европа, Бурятия, США* и другие:

(20) D3: *Мы тогда сумели сделать себе один из лучших в Европе судов, одну из лучших, самых передовых систем адвокатуры.*

Оставшиеся 6% всех реализованных D3 единиц общественной-политической лексики включают в себя наименее частотные её виды – сложносокращённые слова (3%), фразеологизмы (2%) и сниженная лексика (1%) – реализации данных лексических единиц в речи диктора единичны. В речи информанта отмечены следующие сложносокращённые слова: *Госбезопасность, Минсельхоз, ФСИН, Юнармия* и другие:

(21) D3: *У нас, начиная со времён после Второй мировой войны, спецслужбы являются политическим актором, а армия и флот не являются.*

Среди фразеологизмов в произнесении D3 отметим следующие: *не глянем единым, попасть в лапы, золотой век, вестник сумы и тюрьмы, волосы встают дыбом* и другие:

(22) D3: *Наша система немолода уже. Она не очень способна перевернуться через голову и обернуться Финистом Ясным Соколом.*

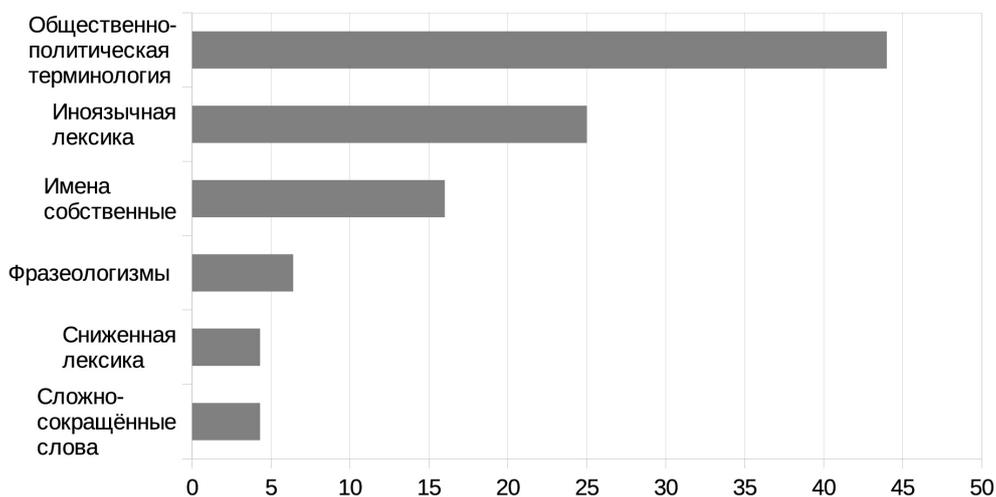
Сниженная лексика представлена следующими словами и выражениями: *тамошний, болтаться (в Государственной думе), двушечка (= два года), гуглить, соваться (куда-либо), жульничать* и другие:

(23) D3: *Он отправился в 62-м году в Западную Европу, где два года изучал тамошний опыт постановки тюремного дела и тюремного вопроса.*

В целом, речь D3 является максимально насыщенной общественно-политической терминологией, а также иноязычными терминами, относящимися к сферам политики, экономики, юриспруденции. Минимальное количество фразеологизмов и сниженной лексики делает речь D3 стилистически нейтральной.

2.3. Сравнительный анализ (D1–D3) [Data comparison (D1–D3)]

Рисунок 2 демонстрирует среднюю частотность лексических единиц, относящихся к общественно-политическому дискурсу, в речи трёх дикторов.

Р и с у н о к 2. Частотность общественно-политической лексики (в среднем по всем дикторам)

[F i g u r e 2. Socio-political vocabulary average frequency (D1-D3)]

Представленные сводные данные свидетельствуют о том, что в целом в речи дикторов преобладает общественно-политическая терминология, которая составляет 44%. Этот параметр варьирует в речи дикторов от 32% в речи D2 до максимального результата по всем видам общественно-политической лексики – 63% в речи D3. Это закономерно

обусловлено тематикой бесед интервьюеров с представителями общественно-политических сил. Так, в радиозфире обсуждались проблемы российского здравоохранения, глобальные и внутренние финансовые вопросы, общие вопросы социальной политики, анализировались законотворческие инициативы и т. д.

Вторую строку занимает иноязычная лексика – её реализация достигает 25%. Максимальное количество реализаций данного вида лексики зафиксировано в речи D1 – 27%, минимальное – 22% – в речи D2. Иноязычная лексика является неотъемлемой частью общественно-политического общения и входит в терминологическую базу данного вида коммуникации. Анализ иноязычной лексики показал отсутствие необоснованного её использования, то есть применения спикером слов иноязычного происхождения в случаях, когда уместнее сделать выбор в пользу привычного русского аналога. Благодаря умеренному включению лексики такого вида в высказывания дикторов, их речь звучит естественно и корректно воспринимается слушателями. Подавляющее большинство таких слов уже укоренилось, следовательно они не воспринимаются как чужеродные.

На третьей позиции частотности – 16% – находятся имена собственные. Однако данный параметр демонстрирует значительный разбег в реализациях: речь D2 изобилует данным видом лексики, достигая значения 30%. Речь D3, в свою очередь, содержит лишь 5% имён собственных. Как и в случае с общественно-политической терминологией, разница в количественных значениях вытекает из тематики обсуждаемых дикторами вопросов (см. табл. 1). Необходимо отметить, что имена собственные в анализируемом материале представлены преимущественно именами политических и общественных деятелей, географическими названиями, наименованиями компаний и организаций.

Фразеологизмы зафиксированы в среднем в 6,4% и занимают четвёртое место среди всех групп исследуемой лексики. Данный пласт лексики, как и рассмотренные выше, демонстрирует вариативность её употребления – от 10% в речи D1 до 2% в аудиоматериале D3. Низкий процент использования идиоматических выражений в речи D3 объясняется её большей степенью формальности по сравнению с другими дикторами. Так, большая доля лексических единиц, употреблённых этим диктором, приходится на общественно-политическую терминологию (см. рис. 3) – остальные группы слов имеют невысокие количественные показатели. В целом, применение фразеологических единств в общественно-политической речи обусловлено желанием говорящего «стать ближе» к потенциальной аудитории, оказать на нее то или иное воздействие, в более экспрессивной манере преподнести наиболее важную, по мнению автора, высказывания информацию. В связи с этим, большинству общественно-политических деятелей свойственно использование некоторого процента фразеологизмов.

Сниженная лексика и сложносокращённые слова демонстрируют равную частотность в речи дикторов, составляющую 4,3%.

Наибольшее количество лексических единиц, относящихся к сниженному регистру, обнаруживается в речи D1 и D2 (по 6%), а речь D3 отличается минимальным включением такого рода слов (1%) – речь диктора в целом воспринимается как нейтрально окрашенная. Анализ лексики, входящей в группу сниженной, показал превалирование в ней вульгаризмов, жаргонизмов и сленга. Просторечия были единичны в речи всех дикторов. На первый взгляд использование сниженной лексики в общественно-политической речи может показаться неуместным или странным, так как основная доля её использования обычно приходится на разговорную речь (бытовой дискурс). Однако применение лексики низкого регистра в политической коммуникации преследует определённые прагматические цели – используя её, спикер не только оказывается ближе к аудитории и завоёвывает её расположение, но и достигает определённых целей речевого воздействия. Грамотно используя сниженную лексику, автор речевого произведения может достичь эффекта восприятия слушающим той или иной информации, как в положи-

тельном, так и в отрицательном ключе, вызвать у аудитории определённые ассоциации с явлением или субъектом, обозначенным сниженной лексикой.

Сложносокращённые слова в большей степени представлены в речи D1 и составляют 7% от общего количества анализируемой лексики. В речи дикторов D2 и D3 процент реализаций одинаковый – 3%. Основная часть сложносокращённых слов приходится на названия государственных и коммерческих организаций и корпораций, которые образованы путём соединения основ слов: существительное + существительное, прилагательное + существительное. Анализ показал, что усечению в большем числе случаев подверглись слова, образующие первую часть сложносокращённого термина (роsgвардия, юнармия, спецслужба).

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование частотности общественно-политической лексики в интервью соответствующей тематики позволило сделать следующие выводы. Наиболее частотным видом общественно-политической лексики в речи дикторов является общественно-политическая терминология – среднее количество реализаций составляет 44%. На втором месте ранга частотности находится реализация иноязычной лексики со среднedikторским результатом 25%. К третьему рангу частотности общественно-политической лексики относятся имена собственные – в среднем информанты используют данный вид лексики в 16% случаев. Четвёртым рангом частотности характеризуются фразеологические единицы со средним результатом 6,4%. Сниженная лексика и сложносокращённые слова в среднем используются в материале исследования в равной степени – на долю каждой группы приходится 4,3%.

Исследование показало как разнообразие различных типов лексики, используемой в общественно-политической речи, так и наличие общих черт и вариантности в частоте её использования дикторами. Общей оказалась группа первого ранга, а также то, что терминология, иноязычная лексика и имена собственные относятся к самым частотным группам, хотя второй и третий ранги варьировали. Максимальный разброс наблюдался для имён собственных, сниженной лексики и фразеологизмов. Междикторская вариантность в реализации сложносокращённых слов и общественно-политической терминологии также была высокой. Наименьшая вариантность отмечена для иноязычной лексики. Неравномерность распределения лексики обусловлена тематикой интервью, прагматическими целями говорящих и их индивидуальными особенностями речи (тезаурис, идиолект).

Перспективу исследований составит детальный анализ лексем и их словоформ, входящих в каждую из рассмотренных в настоящей статье групп. Особенно интересным представляется изучение когнитивных механизмов речевого воздействия, осуществляемого посредством использования эмотивного компонента – фразеологии и сниженной лексики.

Библиографический список

- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М : КомКнига, 2007. 576 с.
- Баранов и др., 2004 – Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сагаров, Е. А. Шипова. М. : Фонд ИНДЕМ, 2004. 94 с.
- Баранов, 2011 – Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика : учеб. пособие. 3-е изд. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 592 с.
- Баско, 2016 – Баско Н. В. Фразеологизмы в языке современных российских СМИ: лексикографическое описание. М. : КДУ, Университетская книга, 2016. 192 с.
- Борискина, Шилихина, 2017 – Борискина О. О., Шилихина К. М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. 2017. № 2 : Языковая политика и политика языка. С. 30–53.

- Володина, 2003 – Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М. : МГУ, 2003. С. 9–31.
- Зелянская, 2013 – Зелянская Н. Л. Речевая самопрезентация политика в контексте изменяющихся стратегий социальной коммуникации (графосемантическое моделирование образа мира Б. Немцова) // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 92–100.
- Красникова, 2000 – Красникова Е. Жаргоны и просторечие в языке публицистики // Высшее образование в России. 2000. № 5. С. 82–88.
- Кучменова, 2022 – Кучменова Я. М. Вопросы лексики общественно-политического дискурса в СМИ // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов. СПб. : Изд-во Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2022. С. 116–118.
- Малафеев, Макарова, 2020 – Малафеев А. Ю., Макарова Н. В. Употребление и функционирование политического сленга в медиакоммуникативном пространстве США // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5, № 3. С. 23–42.
- Михалева, 2009 – Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
- Николаев, 2021 – Николаев И. В. Вербальные политические символы в коммуникации общества и власти: опыт типологизации // Социодинамика. 2021. № 1. С. 32–43. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.1.34945>
- Процукович, Иванашко, 2021 – Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. Частотные характеристики лексических единиц общественно-политического дискурса в языке современных средств массовой информации // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. Вып. 10 (78). Ч. 12. С. 174–179.
- Стернин и др., 2013 – Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. Ярославль, 2013. 35 с.
- Чернявская, 2006 – Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблема речевого воздействия : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2006. 136 с.
- Чудинов, 2006 – Чудинов А. П. Политическая коммуникация. М. : ФЛИНТА : Наука, 2006.
- Чудинов, 2012 – Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М. : Флинта, 2012. 256 с.
- Шимула, 2018 – Шимула Р. Лингвопрагматические аспекты современного газетного политического дискурса (на материале русского языка). Белосток : Белостокский университет, 2018. 352 с.

References

- Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : KomKniga Press (In Russ.).
- Baranov, A. N., Mihaylova, O. V., Satarov, G. A., Shipova, E. A. (2004). *Politicheskij diskurs: metody analiza tematicheskoy struktury i metaforiki* [Political discourse: methods of analysis of thematic structure and metaphors]. Moscow : Fond INDEM Press (In Russ.).
- Baranov, A. N. (2011). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic examination of the text: theoretical foundations and practice] : A coursebook. 3d edn. Moscow : FLINTA Press : Nauka Press (In Russ.).
- Basko, N. V. (2016). *Frazeologizmy v yazyke sovremennykh rossiyskikh SMI: leksikograficheskoe opisaniye* [Phraseological units in the language of modern Russian media: lexicographic description]. Moscow : KDU Press, Universitetskaya kniga (In Russ.).
- Boriskina, O. O., Shilikhina, K. M. (2017). Korpusnye issledovaniya politicheskogo diskursa v lingvistike [Corpus methods in the political discussion in linguistics]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, 30–53. (In Russ.).
- Volodina, M. N. (2003). Yazyk SMI – osnovnoye sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie [The language of the media is the main means of influencing mass consciousness]. *Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Media language as an object of interdisciplinary studies] (pp. 9–31). Moscow : Moscow State University Press. (In Russ.).

- Zelyanskaya, N. L. (2013). Rechevaya samoprezentatsiya politika v kontekste izmenyayushchikhsya strategiy sotsial'noy kommunikatsii (grafosemanticheskoe modelirovanie obraza mira B. Nemtsova) [Speech self-presentation of a politician in the context of changing social communication strategies (Graphic-semantic modeling of the image of Boris Nemtsov's world image)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2 (44), 92–100. (In Russ.).
- Krasnikova, E. (2000). Zhargony i prostorechie v yazyke publitsistiki [Jargons and vernacular in the language of journalism]. *Vysshye obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 5, 82–88. (In Russ.).
- Kuchmenova, Ya. M. (2022). Voprosy leksiki obshchestvenno-politicheskogo diskursa v SMI [Issues of vocabulation of public and political discourse in the media]. *Aktual'nye problemy nauki: vzglyad studentov* [Current issues of science: Students's view]. St Petersburg : Pushkin Leningrad State University Press (In Russ.).
- Malafeev, A. Yu., Makarova, N. V. (2020). Upotreblenie i funktsionirovanie politicheskogo slenga v mediakommunikativnom prostranstve SShA [The use and the functioning of the political slang in the media communicative space of the USA]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn* [Communications. Media. Design], 5 (3), 23–42. (In Russ.).
- Mihalyova, O. L. (2009). *Politicheskii diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political discourse: The specificity of manipulative influence]. Moscow : LIBROKOM Press (In Russ.).
- Nikolaev, I. V. (2021). Verbal'nye politicheskie simvoly v kommunikatsii obshchestva i vlasti: opyt tipologizatsii [Verbal political symbols in the communication of society and power: the experience of typology]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 1, 32–43. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.1.34945> (In Russ.).
- Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P. (2021). Chastotnyye kharakteristiki leksicheskikh yedinic obshchestvenno-politicheskogo diskursa v yazyke sovremennykh sredstv massovoy informatsii [Frequency characteristics of lexical units of socio-political discourse in the language of modern media]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* [Current scientific research in the modern world], 10 (78-12), 174–179 (In Russ.).
- Sternin, I. A., Antonova, L. G., Karpov, D. L., Shamanova, M. V. (2013). *Vyyavlenie priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta* [Identification of signs of humiliation of honor, dignity, belittling of business reputation and insult in the linguistic examination of the text]. Yaroslavl. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problema rechevogo vozdeystviya* [The discourse of power and the power of discourse: The problem of speech influence] : A coursebook. Moscow : FLINTA PRESS: Nauka Press (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya kommunikatsiya* [Political communication]. Moscow : FLINTA Press : Nauka Press (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2012). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics] : A coursebook. Moscow : FLINTA Press (In Russ.).
- Szymula, R. (2018). *Lingvopragmaticheskie aspekty sovremennogo gazetnogo politicheskogo diskursa (na materiale russkogo yazyka)* [Linguo-pragmatic aspects of contemporary press political discourse (On the basis of Russian language material)]. Bialystok : Bialystok University Press (In Russ.).